

С.К. Кузнецов

**Русская историческая
география**

Мордва

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
С11

С11 **С.К. Кузнецов**
Русская историческая география: Мордва / С.К. Кузнецов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 76 с.

ISBN 978-5-518-06684-7

Курс лекций, читанных в 1908-09 уч. году в Московском Археологическом
Институте С.К. Кузнецовым.

ISBN 978-5-518-06684-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ды изъ сравнительнаго изученія финнскихъ нарѣчій: „Волжско-балтійскіе финны жили совмѣстно долгое время послѣ отдѣленія отъ пермской группы, слегка соприкасаясь съ германскими народами, отъ которыхъ они заимствовали десятичную систему счисления и незначительное количество культурныхъ словъ. Новые историческіе перевороты двинули западно-финнскіе народы дальше на западъ и сѣверъ — и на это время приходится періодъ перваго значительнаго культурнаго вліянія германцевъ (первыя столѣтія нашей эры).

Въ другой статьѣ своей (*Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen*) профессоръ *Доннеръ* представляетъ дѣло нѣсколько иначе. Первое соприкосновеніе неотдѣлившейся еще отъ западныхъ финновъ мордвы съ германцами въ лицѣ готовъ имѣло мѣсто во внутренней Россіи, примѣрно въ Московской губерніи; къ этому же мордовско-финнскому періоду совмѣстной жизни относится соприкосновеніе съ литовцами и славянами, потому что въ мордовскомъ языкѣ оказываются слѣды не только готскаго, но и литовскаго вліянія.

Въ трудѣ извѣстнаго датскаго финнолога пр. *Томсена* (*Beröringar mellem de finske og de baltiske (lettisk-litauiske) Sprog. 1890*) встрѣчаемъ мы новую схему: въ эпоху, когда на финнскіе языки началось готское вліяніе, т. е., судя по архаическимъ формамъ заимствованныхъ словъ, не позже III в. по Р. Х., черемисы и мордва уже были оторваны отъ западныхъ финновъ, потому что въ языкахъ ихъ нѣтъ слѣдовъ этого вліянія. Эта эпоха совпадаетъ съ концомъ болѣе ранняго періода, когда мордва составляла нераздѣльное цѣлое съ балтійскими финнами. Въ этомъ періодѣ своей исторіи, вмѣстѣ съ черемисами и суоми, мордва испытала сильное вліяніе литовскаго племени, такъ какъ въ мордовскомъ языкѣ есть такія заимствованія, которыхъ нѣтъ въ языкѣ суоми. Время, въ которое совершалось вліяніе литовскаго языка на мордву и суоми, совпадаетъ, по мнѣнію Томсена, съ началомъ христіан-

ской эры, а можетъ быть и еще древнѣе. За этой древнѣйшей эпохой (доисторической) слѣдуетъ эпоха пра-финнская, когда нераздѣлившіяся еще финнскія племена закладывали начатки своей культуры. Эпоха эта еще мало изучена, почему и понятно разнорѣчіе финнскихъ и мадьярскихъ ученыхъ относительно степени вліянія готовъ на мордву въ такъ наз. мордовско-финнскій періодъ ея исторіи. Какъ бы то ни было, готское вліяніе на мордовскій языкъ не подлежитъ сомнѣнію, не говоря уже о томъ, что о политической зависимости мордвы отъ готовъ говорить историкъ Іорданъ.

Изслѣдованіе отношеній финнско-мордовскаго элемента къ германскому, литовскому и славянскому знакомитъ насъ съ сосѣдями, которыхъ мордва имѣла въ доисторическую эпоху; кромѣ того проф. *Томашекъ*, въ своей статьѣ „*Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden*“, указываетъ еще иранскіе элементы въ языкѣ мордвы, именно осетинскій и зендскій. Данныя языка допускаютъ такимъ образомъ предположеніе, что сосѣдями мордвы въ доисторическій періодъ были германцы, славяне, литовцы и какое-то иранское племя, вѣрнѣе всего—алане-осетины.

Къ это слѣдуетъ присовокупить, что проф. *Андерсонъ*, сопоставляя эстонскія, мордовскія и черемисскія названія, еще въ 1879 г. пришелъ къ заключенію, что область совмѣстной жизни мордвы, черемись и западныхъ финновъ лежала въ средней Россіи, въ поясъ разнообразнаго чернолѣсья. Въ 1886 г. академикъ *Кёппенъ* вновь пересмотрѣлъ этотъ вопросъ; на основаніи сравнительнаго изученія названій древесныхъ породъ, онъ также пришелъ къ убѣжденію, что родиной финнскихъ племенъ была страна, гдѣ росли дубъ, орѣшникъ, ясень, клень, рябина, сосна, береза и яблоня. Этой страной, по мнѣнію Кёппена, могло быть среднее теченіе Волги и ея притоковъ Оки и Суры.

Элементъ греческій въ языкѣ мордвы до сихъ поръ никѣмъ еще выдѣленъ не былъ, но что онъ имѣется, въ

этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Достаточно указать на мокшанское нарѣчіе, въ которомъ встрѣчается слово *ватраки* — лягушка (греч. *bátrachos*). Принимая во вниманіе слишкомъ далекое распространеніе мокши на Ю. еще въ XIII в., неудивительно, что она могла имѣть соприкосновеніе съ греками черноморскихъ колоній въ очень отдаленную пору, когда одновременно испытывала иранское вліяніе.

Подведемъ теперь итогъ всему тому, что дають намъ перечисленные выше финнологи.

На Ю. В. отъ страны, занятой финнами и мордвой, находились земли иранскихъ обитателей южной Россіи, на С. З.—земли готовъ и литовцевъ, а на Ю. З.—земли славянъ. Такимъ образомъ, указанія филологіи ориентируютъ насъ въ вопросѣ о древней родинѣ мордвы самымъ общимъ и довольно неопредѣленнымъ образомъ. Въ отдаленный періодъ совмѣстной жизни съ западными финнами мордва жила приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ видимъ мы ее и до сихъ поръ; но болѣе точное опредѣленіе мордовской территоріи въ древности можно сдѣлать не иначе, какъ путемъ анализа мѣстной географической и хорографической номенклатуры. Для того, чтобы съ извѣстной отчетливостью выдѣлить изъ массы географическихъ названій средней Россіи названія чисто-мордовскія, необходимо опредѣлить наиболѣе характерные ихъ признаки и основные типы.

Какъ и въ Мерянской странѣ, хорографическія названія мордовской территоріи обозначаютъ либо свойство мѣстности, либо дають характеристику рѣки и мѣстности, или же указываютъ на имя перваго поселенца. Не исчерпывая обширной географической номенклатуры мордовскаго края, которой отводится мѣсто въ приложеніи, остановимся на рядѣ типичныхъ примѣровъ: начнемъ съ рѣчныхъ названій (рѣчка и рѣчная долина по-мордовски называются *лей*, *ляй*).

Пичи—лей (*пиче*—сосна+*лей*—рѣчка)—Сосновка (Пенз. Город. 281).
Чувар—лей (*шувар*—песокъ+*лей*)—Песчанка (Нижег. 144. Арзам. 559)
 Ср. *Чибир—лей* Саратов. Кузн. 1262. Ср. *Шувары* Пенз. Инсар. 536,
 Нижнелом. 1318. *Шуварскій* почин. Пенз. Наровч. 1294. *Чуварлейка*
 Нижег. Ардат. 478.

Леп—лей (*лепй*—ольха+*лей*—Ольшанка. Ср. *Леплейка* Саратов. Хвал.
Леплейка Пенз. Инс. 462 и 982.

Липлей Ниж. Ардат. 455. 2015.

Уча—лей (мокш. *уча*, эрз. *уця*—овца+*лей*)—Овечья р.

Нару—лей (эрз. *нару*, мокш. *нар*—трава, зелень, поле+*лей*)—Полевая р.

Инс—лей (эрз. *инэ*—большой+*лей*)—Большой врагъ.

Ср. *Инслейка* Ниж. Серг. 4394.

Очень часто рѣчныя названія происходятъ отъ личнаго имени перваго мордвина, поселившагося на берегахъ извѣстной рѣки. Въ данномъ случаѣ, для выясненія мордовскаго происхожденія этихъ названій, помогаетъ списокъ языческихъ мордовскихъ именъ, составленный по архивнымъ документамъ XVII в. покойнымъ А. Н. Островскимъ. Приведемъ примѣръ.

Кички—лей, Пенз., Городищ. № 280 (отъ собств. имени Кичка).

Колопо—лей, Пенз., Красносл. № 836 (=Колопино, отъ мокш. *келпиме*
—зѣвать).

Кочат—лей, Симб.

(Кочай) Ср. эрз. *кочолме*—клюю.

Кулши—лей, ———

(Кулеш).

Капа—лей, Саратов.

(Кабай) Ср. мокш. *капа*—копна.

Урма—ле

(Урмай) Ср. мокш. *урма*—болѣзнь.

Конак—лей, Нижегород.

(Конак).

Аташ—лей,

(Атай, Атуш).

Кочжар—лей,

(Качкур). Ср. мокш. *кочжаря*—пятка.

Кудаш—лей,

(Кудаш). Звучить по-черемисски.

Атяш—лей,

(Атяш) Ср. мокш. *атя*—старикъ.

Для обозначенія населенныхъ мѣстъ всего чаще при-
 мѣняются термины:

деревня—*веле*, гора—*панда*, лѣсная поляна—*куржа*, городъ (т. е. укрѣпленіе)—*ош*, поселокъ—*гарт*, устье рѣки—*дон*, лѣсъ—*вирь*.

Кардавил Нижег. Арз. 633 (м. *карда*—стойло, эрз. *кардас*—дворъ)—Дворъ.

Одвеле Пенз. губ (отъ э.-м. *од*—новый)—Новая деревня.

Вярвель Пенз. Инсар. 613 (м. *вйр*—вершина, верховье; эрз. *вйре*—верхній)
 —Верхняя деревня.

Родивсла Пенз. Красносл. 768 (э.-русск. *род*—родня)—Родная деревня.

Рузвель Пенз. Наровч. 1168 (не отъ мокш. *роз*—рожь, но отъ эрз. *руз*—русскій)—Русская деревня.

Пич-панда Тамб. Спас. 2415 (отъ *пиче*—сосна+*панда*)—Сосновая гора.
Ласка-панда Самар. у. (отъ *Ласка*—Власъ, Власка+*панда*)—Власова гора.
Верезен-панда Самар. у. (отъ эрз. *верез*—волкъ+*панда*)—Волчья гора.
Камакужа Пенз. Инсар. 448 (отъ мокш. *кайма*—сапогъ+*кужа*)—Сапожная поляна.

Кузортъ Нижег. Ардат. 419 (отъ мокш. *куз*—ель+*орт*)—Еловый починокъ.

Сирадонъ Нижег. у. 200 (отъ мокш. *сирас*—курица+*дон*)—Куриное устье..

Кужадонъ Нижегор. у. 207 (отъ *кужа*+*дон*)—Полянское устье.

Салавирь Нижег. Горбат. 2056 (не отъ мокш. *салу*—соленый, а отъ эрз. *салиме*—воровать)—Воровской лѣсъ.

Перечисленные нами типы хорографическихъ названій далеко не исчерпываютъ всѣхъ особенностей географической номенклатуры въ предѣлахъ мордовской территоріи: въ этихъ названіяхъ въ значительной степени отражаются также ботаническія и зоологическія особенности, страны, какъ и въ мерянскомъ краѣ. При этомъ часто случается, что многія названія рѣкъ, быть можетъ—подъ вліяніемъ русскаго языка, утратили вторую половину слова, напр.:

Можиа, вмѣсто Мокша—лей.

Явасъ, вмѣсто Евасъ—лей (отъ мокш. *яван*—дѣлиться)—Двойная.

Поника, вмѣсто Поник—лей.

Пара, вмѣсто Пара—лей (отъ эрз. *паро*—мокш. *пара*—добрый, полезный)—Добрая рѣка.

Сура, вмѣсто Сура—лей (отъ мок. *сура*—просо)—Просяная рѣка.

Сира, вмѣсто Сира—лей (отъ эрз. *сира*—край, берегъ, или мокш. *сира*—старый)—Старая рѣчка.

Мараса, вмѣсто Марас—лей (отъ мокш. *марас*—вязъ)—Вязовка.

Варма, вмѣсто Варма—лей (отъ *варма*—вѣтеръ)—Вѣтрянка.

При названіяхъ рѣкъ, точно также какъ при названіяхъ селеній, очень часто встрѣчаются названія, происходящія отъ собственнаго имени. Таковы, напр.:

Промза въ Симб. губ., отъ личн. имени *Поромза* (эрз. *промоме*—собираюсь, схожусь).

Стемасъ ————— " ————— *Стемасъ*.

Канакъ ————— " ————— Конакъ

Ибрясь—ка ————— Ибрай

Артамас—ка " ————— Артамасъ (отъ *ардоме*—бѣгать).

Мортасъ въ Тамб. губ., отъ личн. имени Мортасъ.

губерніи: часть Казанской, Нижегородскую, Пензенскую, часть Рязанской и Калужской, губерніи Симбирскую, Тамбовскую и Саратовскую. Появленіе мордвы въ самыхъ низовьяхъ, около Астрахани, относится уже къ позднѣйшему времени, а въ предѣлахъ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губ. она появилась въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII стол. Такимъ образомъ, первоначальную родину мордвы нужно искать на правой сторонѣ средней Волги, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ Оки и особенно по Сурѣ. Но и здѣсь мордва не была первыми обитателями, а вытѣснила финнскія племена, обитающія теперь на крайнемъ сѣверѣ. Значительная часть Рязанской губ. вся Тульская, Ю. Владимірской губ. и С. Воронежской представляютъ обильные остатки мордовскихъ хорографическихъ названій.

Археологическія данныя

Такъ какъ достовѣрныя историческія извѣстія о мордвѣ начинаются не ранѣе IX в. нашей эры, притомъ свѣдѣнія эти переплетаются съ извѣстіями о буртасахъ, обитавшихъ въ той же мѣстности, то, прежде чѣмъ начать изложеніе историческихъ судебъ того и другого племени, обратимся къ археологическимъ даннымъ. Обширная территория, намѣченная нами на основаніи хорографическихъ названій, въ археологическомъ отношеніи мало еще разработана: раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь трехъ—четырехъ пунктахъ, весь же остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ, или черезъ руки хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ. До сихъ поръ для мордовской территоріи мы не располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ изслѣдованію, потому что археологическія карты, значительно уже устарѣвшія, имѣются только для Нижегородской, Казанской, Тамбовской и Пензенской губ., а по Симбирской и Саратовской губ. имѣются только отрывочныя свѣдѣнія. Ко-

личество этихъ памятниковъ громадно, но изслѣдованы изъ нихъ очень немногіе, притомъ иные довольно небрежно.

Всѣхъ раньше изслѣдованъ въ 1877 г. мордовскій могильникъ, залегавшій подъ православнымъ кладбищемъ у Покровской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, на глубинѣ трехъ сажень. Въ могильникѣ этомъ найдены во множествѣ человѣческія кости вмѣстѣ съ лошадиными и бараньими; скелеты обращены были лицомъ къ западу.

О такъ называемомъ „Мордовскомъ могильникѣ“ въ 6 верстахъ отъ г. Касимова у дер. Поповки мы знаемъ изъ раскопокъ покойнаго *Нефедова*. Хотя край, въ которомъ находится могильникъ, носитъ названіе *Мещерскаго*, но мѣстное населеніе считаетъ мордву эрзю древнѣйшими насельниками этого края. При обзорѣ Мещерской территории мы имѣли случай убѣдиться, что большинство хорографическихъ названій этого края звучитъ по-мерянски, и только около трети объясняется изъ мордовскаго языка по эрзянскому нарѣчію; но такъ какъ большинство рѣкъ въ этой мѣстности носитъ мордовскія названія, то нужно думать, что мордва обитала здѣсь очень долгое время. *Нефедовъ* раскопалъ здѣсь 63 кургана, т. е. цѣлый могильникъ, на лѣвомъ берегу Оки, состоящій изъ круглыхъ, срѣзанныхъ на вершинѣ кургановъ, вышиною отъ 2 до 9 арш. Скелеты лежали или въ вытянутомъ, или утробномъ положеніи: въ 13 случаяхъ головой на западъ, лицомъ къ С. или къ С. В., въ двухъ случаяхъ лицомъ на С.З., въ 6 случаяхъ покойникъ лежалъ головой на С., въ 5—на С. В.; дважды найдено направленіе головы на Ю. и дважды на Ю. З.; въ остальныхъ случаяхъ положеніе скелета не отмѣчено. Разнообразіе въ ориентировкѣ скелетовъ какъ-бы указываетъ если не на смѣшанный характеръ населенія, примѣнявшаго различные погребальныя обряды, то на одновременность этихъ погребеній; за это говоритъ и разнообразіе погребальной обстановки, потому что въ большинствѣ кургановъ найдены въ ногахъ горшки съ пепломъ и угли, а въ нѣсколькихъ случаяхъ—только кости жертвенныхъ животныхъ.

Въ Тамбовской губ. изслѣдованія производились довольно систематично въ трехъ пунктахъ. *И. И. Дубицовъ* изслѣдовалъ *Шириницкое юродище*, которое представляло массу кирпича и камней; мѣстное населеніе помнило еще подвалы, выстроенные изъ камня. На городищѣ этомъ найдены были жернова, мѣдная посуда, горшки, копья, топоры и каменные молотки. Судя по столь сильному разнообразію остатковъ матеріальной культуры, можно думать, что на мѣстѣ первоначальнаго мордовскаго могильника возникъ впоследствии татарскій городъ.

Второй могильникъ—*Лядинскій*—обнаруженъ былъ впервые еще въ 1868 г., при постройкѣ Саратовско-тамбовской жел. дороги, причемъ на 12-й верстѣ отъ Тамбова, близъ рч. Ляды, рабочіе въ изобиліи находили разные древніе предметы. Часть найденныхъ при этомъ наиболѣе цѣнныхъ вещей была продана рабочими подрядчику *Шарнелю*; съ этой коллекціей познакомился финляндскій археологъ *Аспелингъ*, и она послужила ему матеріаломъ для характеристики мордовско-муромскаго желѣзнаго вѣка, въ III томѣ его *Antiquités du Nord finno-ougrien*. Въ 80-хъ годахъ, послѣ открытія Тамбовской ученой архивной комиссіи, уцѣлѣвшая часть могильника была подвергнута раскопкѣ *Н. В. Ястребовымъ*, который въ 1887 г. вскрылъ 159 могилъ и издалъ описаніе своихъ раскопокъ, присоединивъ сюда описаніе находокъ изъ *Томниковскаго* могильника, подъ общимъ заглавіемъ „Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. С.-Пб. 1893. 4^о (Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм. № 10). Начнемъ съ Лядинскаго могильника, который изслѣдованъ былъ на перевалѣ, т. е. безъ просѣванія, почему по меньшей мѣрѣ ¹, предметовъ могла ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя.

Могилы находимы были на разной глубинѣ, отъ ₂ арш. до 2 арш., причемъ послѣднія лежатъ уже на глинистомъ подпочвенномъ слоѣ, тогда какъ первыя залежали въ пескѣ, смѣшанномъ съ черноземомъ. По харак-

теру погребенія различаются двѣ группы могилъ: 127 погребеній обычныхъ (ингумація) и 16 по способу сожженія. Вслѣдствіе пористости почвы и незначительной глубины могилъ, кости сохранились очень плохо, и только $\frac{1}{5}$ погребеній можетъ быть точно ориентирована; но такъ какъ во многихъ случаяхъ найдены только слабые остатки костей, главнымъ образомъ—разрушенные черепа, то очень можетъ быть, что число погребеній по способу сожженія должно быть значительно увеличено. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, ногами на сѣверъ, но въ 7 случаяхъ допущено отступленіе. Только 2 черепа лежали въ могилѣ на затылкѣ, лицомъ кверху; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ черепа лежали на вискѣ, всего чаще на лѣвомъ, т. е. потухшій взоръ покойника чаще былъ обращаемъ на западъ, чѣмъ на востокъ. Руки оказывались обыкновенно согнутыми на груди, причемъ кисти рукъ не скрещивались; иногда кисти рукъ пригнуты были къ шеѣ, рѣже покоились на тазовой области, но часто они были вытянуты просто вдоль туловища. Во многихъ могилахъ найдены остатки лубка и бересты; всего чаще лубкомъ выстилалось дно могилы, но иногда трупъ покрывался сверху вдоль и поперекъ длинными полосами лубка. Въ одномъ случаѣ въ могилѣ найденъ скелетъ жеребенка, помѣщенный въ могилѣ въ сидячемъ положеніи и обращенный головою къ ногамъ покойника.

Вслѣдствіе плохой сохранности костей, опредѣленіе пола погребеннаго дѣлалось на основаніи погребальнаго инвентаря, причемъ, разумѣется, вѣроятны нѣкоторыя ошибки; изъ 127 погребеній по способу ингумаціи, только 71 можно счесть женскими и 18 мужскими; остальные погребенія невозможно приурочить къ опредѣленному полу. Обзорѣніе погребальнаго инвентаря показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ культурой, отчасти сходной съ мерянскою, но отличающейся бѣльшимъ разнообразіемъ, особенно въ женскихъ могилахъ.